18+

Проклятые желания

Лютфи Маркерия

Родион Махов

Родион Махов

Проклятые желания Лютфи Маркерия

«Издательские решения»

Махов Р.

Проклятые желания Лютфи Маркерия / Р. Махов — «Издательские решения»,

Юный Лютфи не верил ни в демонов, ни в проклятия, ни в жутких тварей, что скрывают свое присутствие во тьме. По воле злого рока, а быть может, судьбы, юноша оказался втянут в историю, где на кон была поставлена его душа. Но её можно вернуть, надо лишь вписать желания в древний фолиант и… Пережить последствия. Воплощённые мечты превращают жизнь парня, его семьи и друзей в череду испытаний, где каждое желание становится предвестником новых бед и трагических событий в жизни нашего героя.

© Махов Р.
© Издательские решения

Содержание

«Что есть наши желания? Сокровенные душевные волнения, заставляющие человека жить, трудиться, творить, или же навязанные обществом потребности, которые мы обличили в свои мечты? Истинно лишь одно — очень часто, оставшись один на один с их исполненной формой — люди обнаруживают себя глубоко несчастными созданиями.» 6
Глава 1. Короткий путь 7
Глава 2. Торги 12
Глава 3. Давай договоримся? 15
Глава 4. Десять желаний 18
Глава 5. Яблочки 23
Глава 6. Ты не хочешь этого знать 26
Глава 7. Почему дерутся дети 29
Глава 8. Красный свет 32
Глава 9. Цена знаний 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Проклятые желания Лютфи Маркерия

Родион Махов

С бесконечной благодарностью моей семье, родителям и жене, без которых этот труд бы не увидел свет.

Иллюстратор @deersprtt

© Родион Махов, 2026
© @deersprtt, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-7695-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Что есть наши желания? Сокровенные душевные волнения, заставляющие человека жить, трудиться, творить, или же навязанные обществом потребности, которые мы обличили в свои мечты? Истинно лишь одно — очень часто, оставшись один на один с их исполненной формой — люди обнаруживают себя глубоко несчастными созданиями.»

Глава 1. Короткий путь

С чего начинаются многие сказки? Непослушные дети, вопреки запретам родителей, тёмной ночью покидают дом или же убегают в лес, ходить в который строго-настрого запрещали взрослые. Но наш герой — Лютфи Маркерий Младший был из тех подростков, которые ладят с матерью, отцом и не отличаются буйным нравом. С младшей сестрой он рос в любящей семье, но увы, порой судьба может припасти тяжелые, а порой и жестокие испытания даже для добрых и благочестивых людей. И совсем скоро юный Лютфи станет участником событий, которые привнесут в его жизнь череду мистических, а порой и вовсе пугающих событий.

8:50 утра, конец сентября, прохладное воскресное утро. Погода располагала к тому, чтобы остаться дома и не покидать постель как минимум до полудня: местами по земле стелился туман, а небо было затянуто тяжелыми тучами. Температура на улице впервые с начала осени опустилась ниже 20 градусов и в этот пасмурный день без куртки вы вряд ли захотели бы выйти на улицу. Те немногие жители Сандвила, которые покинули свои дома в столь ранний для выходного дня час, будто бы и сами не понимали, на кой черт они решили куда-то выйти из своих уютных домов в это промозглое утро. Пожалуй, подобную городскую истому наблюдал каждый из нас.

И в это ленивое и беззаботное для многих утро, улочки Сандвила пересекал юный Лютфи. Обычно любящий поспать молодой человек, собирая капли еле срывающегося дождя своей пышной, слегка вьющейся шевелюрой бежал так, будто бы опаздывал на поезд или на самое важное в его жизни собеседование. И на это у него были все основания: сегодня его любимой сестренке исполнялось шесть лет. Сабианна, или Саби, как ее любила называть мама, была хоть особой довольно юной, но крайне сообразительной, отчего претенциозно относилась к выбору подарков, и накануне, перебирая среди множества вариантов день рожденческих подношений, попросила котенка, собственно, за ним и бежал её старший брат.

Дождь усиливался, а до пробуждения Саби оставалось все меньше времени. И, как назло, именно в этот день Лютфи проспал, из-за чего опаздывал к назначенному времени. Он боялся, что заводчик, с которым о покупке кота договорились его родители, отдаст котёнка другому покупателю, так как спрос на столь редкий коричневый окрас, который хотела Саби, был довольно высок. Вдобавок тяжелые тучи, нависшие над городом, казалось, вот-вот обрушатся ливнем на жителей Сандвила.

Лютфи понимал, что сильно опаздывает, так ещё может угодить под дождь. По этой причине юноша решил сократить путь к заводчику через старый парк. Его территория была обширной, а в центре находилась достаточно живописная, но недостаточно ухоженная эспланада. Там же стоял старый, обветшалый трёхэтажный дом, с необычной геометрией: он казался излишне вытянутым, из-за чего многие сочли бы его и вовсе несуразным. Нынешнее состояние постройки скорее напоминало вековой склеп. Место давно было окутано дурной славой, и местные подростки старались в него не соваться. Ходили слухи, что там обитают духи, призраки, но эти небылицы распространяли взрослые, чтобы дети туда лишний раз не лазали. Еще элитную недвижимость порой занимали наркоманы, гонимые местной шпаной и маргиналы прочего калибра. В общем, местечко пренеприятное, хотя, стоит отметить, таило в себе это здание нечто таинственное и манящее. Из-за катастрофической непунктуальности в это утро, которая, надо отметить, была несвойственна для юноши и дождя, переросшего в ливень, Лютфи был вынужден сократить дорогу через парк, а ливень он решил переждать в стенах того самого дома. Войдя внутрь, Лютфи подумал, что пройти здание насквозь, по, казалось бы, прямым коридорам будет славной идеей, ведь крыша, хоть и местами прохудившаяся, станет хорошей защитой от дождя. Стоит отметить, что юноша, благодаря постоянным тренировкам с отцом, был достаточно силён и натренирован, хоть и в силу юного возраста с виду мог

показаться слегка худощавым, из-за чего его лицо с выраженными скулами выглядело немного угловатым, но вместе с тем довольно волевым. Возможно, одна из причин обманчивой худобы крылась в его росте, который был выше среднего. В любом случае, ему хватало уверенности, чтобы в одиночку заходить в подобные места.

Сам комплекс представлял собой полуразрушенное здание: стены, на северной стороне были покрыты мхом, многие окна давно разбили вандалы, но передвигаться под крышей всё же показалось Лютфи идеей более привлекательной, чем остаться на улице и вымокнуть до нитки. Постройка представляла собой не просто здание, а целый комплекс, достаточно протяженный, чтобы в его коридорах можно было заплутать. Вопреки своим ожиданиям о простом пути, парню приходилось маневрировать между этажами, протискиваться через полуоткрытые двери и обходить зияющие дыры в полу. В какой-то момент идея укрыться под этой обветшалой крышей уже не казалась столь удачной, как поначалу. Лютфи бродил по зданию, преодолевая пролёты, бесконечные коридоры и проходя через однообразные двери. По ощущениям, прошло уже около получаса, хотя снаружи казалось, что здание можно пройти за 5—10 минут.

Посмотреть в окна, чтобы определить направление, не удавалось: они оказывались либо заколоченными, либо подобраться к ним не было возможности. Сколько бы он ни искал, найти выход не удавалось, как и вернуться назад, к тому же парень терял драгоценное время. Десять минут, двадцать, час — проклятый дом казался бесконечным лабиринтом, где один коридор перетекал в другой.

— Что здесь происходит, не могу же я ходить по кругу! Времени уже прошло достаточно, чтобы раз десять зайти и выйти из этого дома! И… Я ведь заходил в эту дверь уже раз пять! А эту рассохшуюся балку встречаю каждые две минуты!

Время шло, а выход так и не получалось найти. В какой-то момент Лютфи решил пойти в обратном направлении, что также не принесло успеха. Дом как будто не хотел его выпускать, создавая всё новые проходы среди однообразных, бесконечных коридоров.

Но Лютфи беспокоило не только это. Помимо того, что он заблудился, юношу не покидала мысль, будто за ним кто-то следует и наблюдает, ждёт, пока он совсем выбьется из сил и станет уязвимым. Он слышал шорохи в отдаленных тёмных углах, скрежет ногтей, такой, как если бы кто-то проводил ими по каменным стенам. Юноша не мог понять, откуда исходят эти звуки, которые с каждой минутой казались всё ближе и звучали отчётливее. В голове невольно возник рассказ одного старика о том, что в древности наш мир населяли разного рода твари и бестии, по этой причине интуиция у людей была развита гораздо сильнее. Простой люд мог, взглянув на заросли камыша, обойти его стороной, не ведая, что таким образом уходит от смерти в лице очередного нечистого, поджидающего нерадивого странника. Гиблых мест было много, но с приходом цивилизации и охотников на нечисть — зло понемногу стиралось с лица нашей планеты, ему на смену пришел человек, который не хуже лиха справлялся с уничтожением себе подобных.

Этим чутьем не был обделен и Лютфи, хотя его скорее можно назвать древним инстинктом, который, мирно дремал внутри парня. До этого момента.

— Это не случайность, я не просто так брожу здесь больше часа и не могу покинуть этот дом, не могу даже выломать проклятые оконные доски! Одни и те же коридоры, дыры в полу, это место либо чья-то злая шутка, либо лабиринт без выхода. Либо я переиграл в игры и заблудился в трёх соснах.

В последние полчаса юноша ощущал на себе чей-то взгляд, но, каждый раз оборачиваясь, не видел ничего кроме гнилого пола и едва уловимых солнечных лучей, сумевших пробиться через пыльные и плесневелые окна.

— Я уже превратился в параноика, но оно и не мудрено. Брожу по этому проклятому доме уже сколько? Час, два, четыре? Телефон давно сел, а я без понятия, сколько времени

прошло. Родители, наверное, волнуются, сестра плачет, кота могут отдать непонятно кому. День определенно не задался. День определенно — дерьмо.

Если бы он только знал, насколько оказался прав. Судьба приготовила для парня две новости: хорошая — его чутье отлично развито, а плохая — за ним действительно кое-кто следил. А вернее, кое-что. Как только он зашел в это, пахнущее плесенью и старостью здание, он услышал странный звук, похожий то ли на трущиеся друг о друга зубы, то ли на скрежещущую по тарелке металлическую вилку. С каждой минутой этот шум усиливался, а с ним росла и тревога. Пытаясь найти его источник, юноша постоянно оборачивался, осматривал каждый угол. И каждый раз он находил лишь пустоту, но ровно до тех пор, пока не решил взглянуть на крышу. Сначала ему показалось, что в углу притаился силуэт человека с чрезмерно длинными конечностями, но после того, как он начал вглядываться более пристально, внутри кратно усилилось чувство тревоги: тонкие, жилистые руки и ноги с удлиненными пальцами и грязными обломанными ногтями венчали тщедушное тело без капли жира — виднелись только лишь одни мышцы и жилы. Ощутив на себе взгляд Лютфи, существо начало метаться по потолку из угла в угол, избегая солнечных лучей. Двигалось это нечто достаточно резво, отчего можно сделать вывод: оно быть может и истощено, но не ослабло и представляет опасность. Лица или морды не удавалось разглядеть, так как то, что скрывалось во тьме, избегало света.

«Бежать, я должен бежать», — лишь эта мысль пульсирующим отчаянием отдавалась в голове юноши. Лютфи начал пятиться, не сводя глаз с объекта в углу, но стоило ему наступить на пустую банку, оставленную там не один год назад, как тварь в одно мгновение спустилась по стене на деревянный пол и какими-то животными прыжками устремилась в сторону юноши.

Пожалуй, таким быстрым он не был еще никогда. Лютфи бежал так, что в ушах был слышен лишь свист ветра. Он интуитивно выбирал направление, преодолевал препятствия, будто бы с детства занимался легкой атлетикой. В какой-то момент он свернул с привычных коридоров, попутно выбив дверь в незнакомую комнату, которая вела к новым бесконечным корпусам. Тварь следовала за ним, периодически чередуя плоскости стен, пола и потолка. Существо шипело и выло, будто голодный обезумевший зверь. Лютфи не останавливался, его мозг упорно не хотел признавать, что всё происходящее с ним реально, а позади несется нечто неизвестное, но определенно смертоносное.

Лестничные пролеты сменяли друг друга, коридоры, обитые гнилой древесиной, не заканчивались. У Лютфи с каждой минутой оставалось все меньше и меньше сил, мышцы в ногах начали предательски ныть, но он понимал, что если остановится — умрёт.

— Куда бежать? Как оторваться от этой твари? Драться? Нет, очевидно в ней сил и ярости больше, чем в диком звере, да и что я смогу противопоставить? Остается бежать, прятаться, о черт….

В 10 метрах разверзлась огромная зияющая дыра, которую обычным прыжком, скорее всего, не преодолеть. Но какой выбор? Адреналин в крови заставлял мышцы сокращаться, как никогда прежде, и парень осознавал, что перепрыгнуть эту дыру — единственный шанс выжить. Оттолкнувшись от деревянного уступа, каким-то чудом он оказался на противоположной стороне. Только вот тварь, неустанно преследующая юношу, без всякого труда преодолела разлом, цепляясь своими худыми пальцами за стены, и оказалась перед ним. Сзади пропасть — впереди неминуемая погибель. Юноша даже не успел осознать в каком положении он оказался, как монстр кинулся на него, столкнув в яму, окутанную непроглядной, въедливой тьмой.

Пролетев около трех метров, Лютфи ударился спиной о каменный пол. Дыхание сперло, в голове зазвенело. Темно, а дневной свет едва попадал на стены этой, как показалось юноше, пропасти. В яме, помимо кучи камней оказался разрушенный книжный шкаф, старый комод, бумаги и разбитые стекла. Скорее всего мебель провалилась вниз из-за сгнившего пола.

Стоило Лютфи вновь обрести контроль над своим дыханием, как он увидел тварь, медленно спускающуюся вниз по отвесной стене. Ему казалось, что он попал в ловушку, подобно мухе, залетевшей в смертельные паучьи нити.

Присмотревшись, он видел морду этого существа. Огромный рот в несколько рядов оказался усеян одновременно человеческими зубами и сколотыми желтоватыми клыками, какие бывают у лесных хищников. Глаза были тёмными и казались бездонными, а редкие волосы спадали ниже деформированных ушей.

Пытаясь встать, Лютфи нащупал оторванную оконную раму, в которой крайне удачно оказалась парочка вбитых гвоздей. Он не хотел сдаваться и был готов использовать любой шанс, чтобы выжить. К этому моменту он примирился с реальностью и осознал, что иного выхода, кроме как биться, у него не было.

Взяв импровизированную биту обеими руками, он выставил её перед собой, на манер самурая, отмеряющего катаной дистанцию до своего оппонента. Тварь не спешила нападать, медленно двигалась вдоль стены, стачивая зубы друг о друга. Внезапно рванув вперед, существо попыталось распороть живот юноши когтями, но он вовремя отпрыгнул в бок, нанеся удар прямо в спину и пробив шкуру чудовища. Тварь взвыла и, махнув непропорционально длинной рукой, задела плечо Лютфи. Ему с трудом удалось удержать равновесие, но по ощущениям его плечевая кость была перебита, а тупая боль расползалась по всей руке.

Лютфи решил взять инициативу и сам кинулся на тварь. Замахнувшись своей дубиной, он обрушил удар на голову этого существа, но оно прикрылось рукой или, правильнее будет сказать лапой, поэтому гвозди вонзились в подобие кисти. Существо взвыло и ответной атакой, как будто зачёрпывая второй конечностью воздух, располосовало правый бок Лютфи. Из рваных ран заструилась кровь, а тело юноши отбросило в сторону с огромной силой. Ударившись о землю, он интуитивно попытался встать, но больше был не в силах держаться на ногах и рухнул обратно. На полу он нащупал небольшой камень и сжал его, будто бы в отбитом куске стены скрывалось его спасение. Перебитой рукой он пытался прижимать раны, но взглянув на ладонь, обнаружил, что вся она была покрыта кровью. Он отвлекся. Тварь этим тут же воспользовалась и за секунду сократив дистанцию, схватила его руки своей огромной лапой. Ногами она встала на его тело и вцепилась в окровавленный бок своим омерзительным ртом. Челюсти рвали плоть юноши, свободной рукой существо держало голову за волосы, вырывая локоны. Ярость переполняла это отродие из-за ран, которые нанёс Лютфи. Несчастный парень почувствовал, как его тело подняли в воздух, а затем с силой ударили о землю. Он перестал видеть правым глазом, так как его залило кровью. Его ноги были сломаны, тело изорвано. Бестия, решив окончательно оборвать жизнь Лютфи, вонзила зубы в его шею, и подобно бешеному псу начала трепать тело юноши. Он пытался кричать, плакал, но вместе с кровью его покидали силы и жизнь, боль притупилась, сознание будто бы покидало его, но агония и желание прожить хотя бы ещё одну минуту позволили сохранить сознание. Когда тварь, упившись своим гневом, расслабилась, Лютфи из последних сил нанёс последний удар тем самым камнем, который каким-то чудом смог удержать в руке. Он попал по нижнему ряду зубов и даже сумел выбить парочку из мерзкого окровавленного рта. Взвыв, существо хотело броситься на умирающего парня, чтобы добить, но вдруг замерло. Казалось, что само время прекратило свой ход, все звуки утихли, воздух стал тягучим и как будто бы обрел вес, который можно было физически ощутить.

— Кхм… Молодой человек, кажется, у вас проблемы, помощь нужна? Вижу, вы стали жертвой городского гуля… Ещё это существо называют щелкуном, кикиморой. Воистину мерзкое отродье… Так вот… помощь нужна?

— Какая странная галлюцинация… Я думал будут воспоминания, белый свет в конце тоннеля, а тут молодой темноволосый парень…

— Эй, вообще-то я самый что ни на есть настоящий, а не галлюцинация. И ещё тебе осталось жить от силы полминуты, поэтому, я остановил мгновение. Благородно, неправда ли?

Всё происходящее казалось Лютфи бредом и жестокой шуткой его разума, но в действительности монстр был недвижим, стекающая из его пасти кровь замерла в воздухе, сохранялась лишь эта отвратительная боль. Телом юноша также шевелить не мог и был способен лишь говорить и двигать глазами.

— Кто вы? Почему всё остановилось? Я уже умер?

— А ты хотел бы это продолжить? Мужчина рассмеялся, затем продолжил. Время в этом месте течет по своим законам. Насчет твоей смерти, ты ещё жив, но ты очень близок к финалу. Хотел бы сказать, что я — твой ангел-хранитель, но, так уж сложилось, врать я не люблю. Поэтому… можешь считать меня своим благодетелем. И то, если мы сумеем договориться. Итак, ты хочешь заключить сделку?

— Что я могу сейчас ответить? Я попал в самый настоящий кошмар, сначала этот, как ты сказал щелкун, теперь сделка… Что я могу, что от меня нужно?

— Отличный вопрос! Видишь ли… живу я, скажем так, немало, вернее пребываю в этом мире. И дарую людям возможности, а точнее — предлагаю выполнить их желания. И нет, я не какой-нибудь джин из захудалой лампы. Моя помощь не безвозмездная, ты, если мы конечно же договоримся, в будущем внесёшь равноценную плату.

— Деньги?

Темноволосый человек вновь рассмеялся, длинные тёмные волосы падали на его лицо, которое, то ли из-за освещения, то ли из-за затуманенного сознания казалось нечеловечески красивым. Немного старомодный, но сидевший по фигуре костюм лишь дополнял образ незнакомца, делая его ещё более изящным.

— Послушай, юноша. То, что я предлагаю невозможно измерить деньгами, драгоценностями и прочим златом, коим так дорожат люди. А предлагаю я вот что: я спасаю тебя, и ты живёшь дальше, вдобавок обещаю даровать тебе 10 желаний. Ты же обязуешься их все загадать, до единого. Да, там есть свои ограничения, но… Может ли что-то быть хуже, чем твоё нынешнее положение?

Мужчина вновь захохотал, но резко осёкся.

— Извиняюсь, не самый уместный момент для смеха. Ты всё узнаешь. В том числе и правила. Позже. Сейчас важно лишь одно — ты жить хочешь?

Лютфи не понимал, наяву ли происходит этот диалог. Если всё-таки да, то какие последствия его будут ждать? Но ему так хотелось жить. Да и что в действительности может быть хуже?

— Я согласен, прошу, спаси меня, я загадаю эти желания, только избавь меня от этой боли и твари, я хочу выбраться отсюда!

— Будь по-твоему… Осталась лишь формальность. Позволь свою руку. На ней достаточно крови, поэтому обойдёмся без порезов.

Мужчина достал книгу, из середины которой выпал свиток. На нём виднелись сотни кровавых отпечатков, к которым вот-вот добавится ещё один.

— Итак, юный Лютфи Маркерий, ты согласен заключить со мной сделку и следовать условиям договора? Если да, то я завизирую наше соглашение твоей кровью. Желаешь жить?

— Да!

— Отлично!

Незнакомец приложил палец юноши к старому свитку.

— Сделка заключена! Ну что же, поздравляю, ты спасён! А теперь закрой глазки и….

Глава 2. Торги

Лютфи очнулся напротив дома, где его, как он надеялся, все ещё ждал кот. Он был в полном недоумении, в голове стоял жуткий звон, а тело будто бы только что вытащили из-под гигантского пресса.

— Как я тут оказался?

Мокрый, грязный, в изорванной одежде, но целый. За секунды в его голове пронеслись обрывки воспоминаний о недавней погоне, чудовище в застенках старого дома.

— Это был сон? И как я оказался на улице? Одежда порвана, я весь в грязи, всё болит, но крови нет…

И тут Лютфи нащупал какую-то книгу под своей курткой. Коричневая обложка, кожаный переплет. Название, надо сказать, тоже было неоднозначным: «Желания души Лютфи Маркерия Младшего».

— Неужели все это был не сон, и тот мужчина в черном и в самом деле существует? Что я подписал? И все можно было бы списать на бред от падения, но книга, откуда она здесь?

Юноша пытался осознать произошедшее, но будто бы не мог вспомнить последние пару часов своей жизни.

— Кажется, оказался я по нужному адресу, непонятно как… Черт возьми, я же только недавно был в парке, в этой жуткой развалине! Может поскользнулся на мокром полу, упал, мне все это привиделось, и я в бреду добрел до нужного дома? А теперь я заявлюсь к заводчикам, весь грязный, в разорванной одежде? Да ни один вменяемый человек не отдаст мне животное.

Но уйти он не мог. Оказавшись на пороге, помявшись с минуту, Лютфи нажал на звонок. Дверь открыла слегка полная женщина в растянутой майке и лосинах со змеиным принтом. Юношу обдал привычный для домов заводчиков запах кошачьих задниц, аммиака и мускуса.

— Здравствуйте, меня зовут Лютфи, я пришел за котенком. Я звонил, но по пути к вам… Меня машина сбила. Немножко. Вот я и опоздал.

— Да ты как будто под газонокосилку попал, парень. Одежду-то как разорвало, тебе точно нужен кот, а не помощь?

— Да я здоров, врачи меня осмотрели. Вы знаете… мне бы все-таки кота. Иначе, если приду без него, мне уже ничто не сможет помочь.

— Вот же заладил. Ладно, проходи.

Лютфи зашел в дом, снял промокшую куртку и кроссовки, которые скорее были похожи на два куска грязи. Хозяйка сказала пройти за ней. С каждым шагом вглубь дома запах усиливался. В воздухе, помимо несравненного аромата, витала шерсть, которая, казалось, была везде. Лютфи прошел в зал. В углу напротив стоял лоток, в котором, судя по кучке, недавно случился акт не самый лицеприятный. Рыжий толстый виновник вылизывал причинное место в метре от своего клозета. Убирать кучу женщина не особо спешила, отчего содержимое лотка лишь усилило сомнительную парфюмерную композицию внутри дома.

В соседней комнате кто-то громко смотрел телевикторину, попутно комментируя умственные способности участников.

— Айли, глянь-ка, эта девка на твою подругу похожа, на ту, что губы до носа малюет. Если она и разумом так же одарена, то ненадолго тут задержится!

Мужчина разразился смехом, а хозяйка молча захлопнула дверь, не забыв попутно закатить глаза. Скорее всего, это был муж женщины, которая и встретила Лютфи.

— В общем так, парень, котенка уже забрали. Ты вовремя не пришел, цену перебили, зверя отдала. Ты уж прости.

Лютфи округлил глаза и хотел было возмутиться, но Айлин его остановила.

— Подожди, кудряшка, сейчас я тебе покажу кое-кого поинтереснее.

Удалившись, спустя минуту Айли вернулась с необычным экземпляром. Небольшой, но уже не котенок, не толстый, но в меру упитанный кот сидел на ее руках.

— Ушки-треугольнички, шерстка лоснится, лапки маленькие, подушечки гладенькие, коготки остренькие, усики по счету, розовый носик, белый окрас с редкими темно-коричневыми пятнышками на этой славной тушке. Этот кошачий аппарат может и не создан для охоты, но эстетики в дом добавит, — закончила, пожалуй, самую странную презентацию кота Айли.

Кот смерил парня тяжелым взглядом, как будто тот украл корм или еще хуже — нагадил в его лоток.

— Айли, ведь так, верно? Послушайте, я шел за коричневым котом, а точнее котенком. Сестра ждет кота с фотографии, что вы прислали! А этот уже и не совсем маленький, и совсем уж не коричневый!

— Ну чего ты! Вот, погляди, есть и пятнышки коричневые! Ну полинял, скажи!

Тут женщина засмеялась почти так же, как совсем недавно её супруг. Кажется, неотъемлемым условием долгих отношений всё же является схожее чувство юмора. И пусть даже не самое изысканное.

— Да и вообще, ты должен был явиться еще час назад. Это рынок, это бизнес, парень. Пришел клиент, дал цену побольше, ну я и продала. Либо бери этого кота, либо жди, пока кошка моя снова окатится!

Прийти вообще без кота сродни приговору, подумал Лютфи.

— Ладно, только на этого дайте скидку!

— Говна тебе из лотка могу свежего дать. И по голове твоей кудрявой, устраивает?

Переговоры, очевидно, провалились. Лютфи удалось выторговать лишь старую переноску и еще парочку оскорблений в свой адрес. Оказавшись на улице, он с облегчением вздохнул, так как воздух после дождя нёс с собой приятную свежесть, которой так недоставало в доме заводчицы.

— Что же делать? Сестра, скорее всего, сначала сделает вид, что все хорошо, потом расплачется. Прибежит мама и тут-то мне влетит. Вдобавок я весь в изорванной одежде, грязный! А ещё…

В этот момент он оцепенел от осознания — телефон пропал.

— Только не это! Это как 50 пропущенных от мамы, только помноженное на сто! Мне конец, в этом дурацком сне я как-то спасся, но тут чуда не случится. Я труп. Лютфи Маркерий Младший, первый в своем роде не справился с элементарной задачей, потерял телефон и пал от руки разъяренной матери.

Парень направился домой, то ускоряя шаг, то замедляя свой ход. Его, скорее всего, потеряли и родители уже подняли тревогу. Поэтому стоит поторопиться. С другой стороны, дома его ждут слезы разочарованной сестры, родители, которым предстоит объяснить, почему в переноске кот не тот и что их сын идиот.

Лютфи придумывал историю, которая могла бы оправдать все произошедшее и кота-подделку. Но ничего путного в голову не приходило, врать он не особо умел.

— Вот бы сейчас на меня кто-то напал, и я оказался в больнице. Тогда бы все внимание переключили на поиски преступника. А меня бы хвалили, мол, Лютфи молодец, отбился! Ой бред, бред.

Мысли беспорядочно рождались в голове юноши, но были они так же бесполезны, как автополив, работающий во время ливня.

— Ох, котик, вот бы ты заговорил! Вот это бы меня и спасло! Такое чудо, да все бы в миг забили на мой внешний вид! И сестра была бы счастлива, да и вообще! Мда… Головой я ударился сильно.

На секунду время как будто бы замедлилось, пространство вокруг исказилось, окрасилось в слегка зеленые, почти болотные тона, стало густым и тянучим, из ниоткуда послышался смех.

— Говорящий кот? Ну и бред аха-ха-ха-ха! Хотя, почему бы и нет! Да будет исполнено твое второе желание!

Наваждение длилось совсем недолго и уже через пару секунд время потекло в своем привычном ритме. Лютфи подумал, что всё-таки у него сотрясение, и ускорил шаг.

— Не тряси клетку так сильно, примат.

Лютфи остановился, поднял переноску.

— Мне послышалось, или..

— Вот что ты смотришь на меня, пацан? Клетку, говорю, не тряси, а то сблюю.

Из переноски на Лютфи уставились два зеленых глаза. Кошачья морда еще никогда не транслировала столько презрения, сколько генерировало это животное.

— Ты смеешь нести меня в этом вонючем кубе, хем?

— Действительно говорит, — пробормотал Лютфи. Да ещё и голос как у взрослого мужика…

— Неведомая сила деградировала мой речевой аппарат до уровня людишек, человеков. Я и сам не понял, как заговорил по-вашенски. Тошно, аж шерстку отрыгнуть охота. Видели бы меня мои предки. Это самое отвратительное перерождение… Ну чего ты так смотришь? Представься, хочу знать имя своего хемму.

Глава 3. Давай договоримся?

Вы когда-нибудь задумывались о том, что такое удивление? Пытались истолковать это явление? Если совсем уж просто, то удивление возникает в тот момент, когда реальность расходится с прогнозами нашего мозга. И в момент, когда к Лютфи обратился кот, юноша, казалось, постиг весь смысл этой эмоции.

— Представься, говорю, иначе так и хочешь, чтобы называл тебя хем?

— Хем?

— Рабочий, слуга в Египте, колыбели всех котов.

— Лютфи. Меня зовут Лютфи. Я действительно говорю с котом?

— Странное имя тебе дали твои человеческие родители. И, запомни, я тебе не просто какой-то кот. Называй меня Герцог Себастьян Восьмой! И никаких сокращений. Иначе нагажу.

Лютфи начал думать, что сходит с ума, но ошарашенный вид проходящей мимо старушки убедил нашего героя в реальности происходящего.

— Шо, кот заговорил, мальчик? Господи, бесы в животинке! Мальчик, одержимый зверек у тебя!

Пока эта сцена не собрала еще больше зевак, Лютфи спешно направился в сторону дома, оставив старушку без ответа.

— Пацан, чего убежал? Испугался бабки? Давай только, не молчи. Не отводи взгляд! Меня вот кастрировать на днях хотели, а тебя уже что, успели?

— Ты же понимаешь, что ты КОТ? Я сейчас иду и отвечаю голосу из переноски. Как будто там сидит мужик и… И про яйца мне что-то втирает!

— Не кот, а Герцог Себа…

— Да хоть принц! Не мявкай!

Если раньше голову Лютфи занимали лишь мысли о том, как он объяснит подмену кота и изорванную одежду, то теперь проблема обрела новый масштаб: как объяснить, что кот говорит?

— А ведь он заговорил после того, как я попросил об этом. Как будто кто-то исполнил моё желание. Связано ли это с тем сном? Сначала надо разобраться с котом. Послушай, ко… Герцог. Нам надо договориться.

— Условия? Ты ставишь мне? Послушай-ка, крыса бесшерстная, я в своих прошлых жизнях видел, как строят империи и низвергают правителей! Я был свидетелем заката Рима! Я сидел на коленях Высшего жреца Амона! Договариваются с равными, а ты мой хемму.

— И от меня зависит, сохранишь ли ты свои бубенцы. Никто не должен знать о том, что ты говоришь. Кроме моей сестры Саби. Говорящий кот — мечта для каждой девочки её возраста. Ты будешь с ней вежлив, учтив и даже не пытайся её укусить или поцарапать.

— Только человек мог пасть до столь низких угроз и манипуляций! Мне нужна своя лежанка, влажный корм и эти дьявольские подушечки, единственная вещь, которая доставляет мне радость в этом воплощении. И, конечно, мои бубенцы должны остаться при мне.

— Обычно люди договоренности скрепляют рукопожатием, а тут что делать? Почесать тебе за ушком?

— В сраке у себя почеши, крысюк кучерявый!

— Вот и договорились.

Остаток пути Герцог и Лютфи молчали. Сокращать дорогу через злополучный парк парень не рискнул, поэтому путь занял порядочно времени. Герцог проблем не доставлял, лишь периодически шипел на пробегающих мимо собак и пытался устроиться в тесноватой, даже для его упитанной, но небольшой тушки, клетке. Наконец показались очертания дома.

— Помни, ни слова, только мявкай.

— Вообще-то то, что вы называете мяуканьем, и есть истинные слова, а ваши попытки коммуницировать и форма речи — это, буквально, вырождение вербального способа общен…

— Умолкни уже. Мы дома.

Отец Лютфи за пару лет до его рождения смог приобрести участок недалеко от леса. Тогда этот район считался не очень перспективным, но спустя 18 лет стал очевиден коммерческий успех этой сделки. Сегодня далеко не каждый мог позволить себе приобрести квадратные метры на улице Трех Дубов. Такое название ей дали из-за того, что лес, соседствующий с районом, как раз начинался с трех деревьев, обильно плодоносящих желудями. Двухэтажное строение скорее напоминало домик из сказки: снаружи дома на каждом подоконнике виднелись разноцветные петунии. Вымытые окна, облицовка из коричневого декоративного кирпича, массивная деревянная дверь на входе — дом не был броским, но чувствовалось, что в каждый элемент вкладывали душу. Сама территория была ограждена невысоким забором, на участке росли деревья, газон был аккуратно подстрижен. Дорожка, что вела к дому от калитки, была вымощена природным камнем. Хоть между стыками и пробивалась небольшая травка, сама тропинка всегда подметалась и содержалась в чистоте. За домом находился небольшой сарай, тренировочная и игровая площадка, которую отец построил для себя и детей, а также небольшой столик со стульями, где семья любила завтракать в особенно солнечные деньки.

Комнаты Лютфи и Сабианны находились рядом на втором этаже, в задней части дома. Юноша хотел обойти здание и с заднего двора позвать сестру, чтобы она открыла ему дверь. Оставалась надежда, что ему удастся проскочить мимо родителей, и они не увидят его удручающий внешний вид. Но стоило ему позвать сестру, как из родительской спальни, которая также располагалась на втором этаже, выглянул отец.

— О, сынок, мы уже тебя потеряли! Сейчас крикну, чтобы мать открыла тебе дверь.

— Папа, стой, не надо, открой сам!

Но было уже поздно. Обреченно, Лютфи побрел к входной двери. В очередной раз он сетовал на свою забывчивость, ведь опять забыл ключи. Мать уже ждала у входа.

— Лютфик, сынок, что случилось? Ты подрался? На тебя напали? С тобой все хорошо?

— Да все отлично, мам. Я решил срезать путь через этот старый дом в парке, бежал по коридору к выходу и провалился в дырку в полу. Ну знаешь, там старые перекрытия деревянные. И, кажется, там же я обронил телефон.

— Ты точно не ушибся? Забудь ты о телефоне, купим новый, главное, что ты цел.

Невероятное облегчение испытал Лютфи, ведь вопреки ожиданиям, его не то что не поругали, а вовсе, пообещали купить новый телефон взамен утраченному. Так и работает родительская забота, которую, порой, мозг 16-ти летнего подростка не всегда может постичь.

— Мам, я купил кота, но он не совсем такой, что мы заказывали. Но можно я сначала покажу его Саби? Она уже встала?

— Проснулась, но все ещё валяется в постели. Так что можешь пойти и порадовать её.

Лютфи поднялся на втором этаже и заглянул в комнату сестры через приоткрытую дверь.

— Хэй, Саби, ты не спишь?

— Лютфичек, конечно же нет! Мне исполнилось целых 8 лет, в этом возрасте дамам не стоит спать до полудня!

— С днем рождения, соня. Сабианна, у меня есть для тебя подарок! Но! Будет два условия:

1. Пообещай, что никому не расскажешь о нем… По крайней мере во всех подробностях.

2. Не кричи и не пугайся.

— А почему я должна испугаться? В клетке кто-то злой?

— Нет, он может быть очень даже славным котиком.

Лютфи открыл дверцу переноски, из которой вальяжно, царской поступью вышел кот. Саби немного удивилась, так как хотела коричневого кота, но только она хотела спросить брата, почему же кот почти белый, как Герцог заговорил:

— Приветствую тебя, дитя. Меня зовут Герцог Себастьян Восьмой, я говорящий кот — единственный в своём роде и окрасе. Представься же и ты мне!

Взрослый человек в такой ситуации, скорее всего, опешил бы, испугался, возможно, закричал. Но детский разум, гибкий и непредвзятый, видел в говорящем животном ничто иное, как настоящее чудо, собственно, чем наш упитанный, общительный зверь и являлся. Саби схватила Герцога, прижала к себе и начала бесцеремонно зацеловывать нахальную, но милую кошачью мордочку.

— Котик говорит, говорящий! Лютфик, я о таком всегда мечтала, спасибо большое! Я теперь самая счастливая!

— Не жми меня так сильно, девка, я сейчас задохнусь!

Герцог морщился, выворачивался, но, надо отметить, даже помыслить не мог о том, чтобы поцарапать девчушку. Возможно, он боялся наказания, а возможно, был не столь вредным животным, коим хотел казаться.

— Ну все, Саби, ты его задушишь и не будет у тебя кота. А теперь послушай внимательно, — об этом не должен знать ни один человек. Никто, вообще. Даже родителям нельзя говорить. И друзьям тоже. Это только наш секрет. Такие вещи мало кто готов принять и понять. Нас либо за идиотов примут, либо Герцога на опыты заберут.

— Я никому ничегошеньки не скажу. Не хочу, чтобы кто-то отнял у меня Лапкинса.

— Леди, прошу, меня зовут Герцог Себастьян Восьмой. Но вы можете называть меня просто Герцог. Или Ваше кошачье сиятельство.

— Саби, так уж вышло, что он более разумный, чем обычные коты, поэтому давай называть его, как он просит. Просто Герцог. Без кошательства.

— Эх… ладно. Давай напоим его молочком и дадим рыбки!

— Даже не думайте! После такой пищи вся комната по моей вине наполнится зловонными ветрами. Мой животик нежен и прихотлив. Не хочу стать причиной столь вопиющего конфуза. А вот от подушечек с начинкой из кролика…

— Саби, как позавтракаем, принеси воду, а мама должна была заранее купить корм. Позже мы поставим тебе миску, Герцог. И помните — никто не должен знать о нашем секрете.

Лютфи вышел из комнаты сестры и проследовал в свою, надеясь, что Герцог с сестрой поладят. По крайней мере он, с вероятностью 100%, стал первым человеком в мире, который нашёл говорящего кота для своей сестры. В комнате он снял одежду и из внутреннего кармана разорванной куртки выпала та самая книга с желаниями души Лютфи Маркерия Младшего. На мгновение в его голове вспыхнули образы ужасного существа из старого дома в парке. Бок заныл, шея начала зудеть. Лютфи хотел было открыть книгу, но в этот момент с первого этажа послышался голос матери.

— Дети, жду вас через минуту! Время завтракать и отмечать день рождения Сабианы!

Голос матери помог отогнать тревожные мысли и пугающие образы, как будто несуществующих воспоминаний. Загадочную книгу Лютфи счел проблемой и оставил её для себя вечернего, а сейчас он решил направиться вниз, так как к праздникам семья Маркериев всегда подходила основательно.

Глава 4. Десять желаний

Дед главы семейства — Авеум Маркерий, был убежден, что в жизни большинства людей предостаточно дней серых, немало обыденных, порядочно грустных, а радостных и, откровенно, веселых уж вовсе мало. По этой причине им было введено правило: дни рождения всех членов семьи праздновать с утра и до самой ночи. Как и прочие празднества. Но что касается дня рождения — с самого пробуждения именинник должен чувствовать себя исключительным, незаменимым и бесценным. Эта традиция стараниями отца семейства — Патеруса Маркерия Старшего, и, конечно же, его супруги, матери Лютфи и Сабианны, — Айкании продолжали жить и в их семье.

Как только Сабианна спустилась, её ждали цветы, подарки и украшенный стол с её любимыми фисташковыми пирожными. Саби чуть было не проболталась про кота, сказав, что разговаривала с Герцогом, но, к счастью, эту фразу родители восприняли скорее в переносном смысле и попустили мимо ушей.

Утро прошло по заветам прадедушки Лютфи — Авеума. После завтрака отец предложил прогуляться в парке.

— Лютфик, ты же пойдешь с нами?

— Я бы дома остался. Утром промок до нитки и сейчас чувствую себя не очень. Лучше отлежусь, чтобы вечером с вами нормально посидеть.

На самом деле Лютфи чувствовал себя вполне сносно, но та книга, которая оказалась у него после пробуждения около дома заводчицы, не давала покоя. Он понимал, что в ней может крыться объяснение всего, что с ним произошло этим утром.

Конечно же Сабианна негодовала, требовала исполнить её прихоть, так как этот день принадлежит ей единолично. Но Айкания уговорила её дать брату отдохнуть, после чего семья удалилась на прогулку.

Лютфи поспешил в комнату, на лестнице встретил Герцога, который уже начал осваиваться в новом месте.

— Не пошёл с семьёй, да? Ещё и сестренку обманул. Брехло поганое.

— Знаешь, я уже начинаю жалеть, что всё-таки принёс тебя домой.

— Это я позволил принести себя в это скромное жилище.

Беседа с котом уже не казалась юноше чем-то вычурным, как прежде, поэтому он прервал её в угоду своему интересу. Зайдя в комнату, он закрыл дверь на замок, уселся на кровать и достал книгу из-под изорваных вещей. Коричневая обложка, корешок — казалось всё, кроме самих страниц было сделано из кожи. На переплётной крышке как будто бы виднелись разные жутковатые образы и лица. И если не отводить взгляд, то может показаться, что они двигаются. Также на лицевой стороне было выбито его имя. Занимательно, что средняя по размеру книга оказалась крайне увесистой, хотя по пути домой она такой вовсе не ощущалась.

Открыв книгу, Лютфи почувствовал какую-то грусть, опустошение. Его обуревало желание избавиться от неё, отказаться от дальнейшего чтива навсегда. Но любопытство взяло верх. Хотя, независимо от его выбора, отказаться от сделки он уже не смог бы. Впрочем, скоро юному Лютфи это предстоит узнать.

Открыв сей фолиант,
Готовься загадать желанья!
Не можешь отказаться ты,
Так пусть исполнятся мечты!

Это короткое четверостишье было эпиграфом на первой странице. Там же было написано:

Достопочтенному Лютфи Маркерию Младшему. Я — хранитель книги и тот, благодаря кому исполнится любое твое желание. Почти. На следующих страницах ты найдешь правила, которые должен соблюдать. Вскоре мы лично встретимся, и поверь, к этому моменту у тебя появится много вопросов. А пока что наслаждайся мыслью о том, что в твоих руках ключи от мира.

Всего несколько строк, но после прочтения сердце Лютфи бешено колотилось. Кто мог создать именную книгу и как она появилась у него? Это явно что-то древнее, а короткая амнезия, из-за которой он не помнил о событиях в том старом доме, лишь усугубляла ситуацию. Парень понимал одно — эту книгу он получил именно там. И на данный момент ответы могли быть записаны лишь на этих древних страницах. На второй странице красноватыми чернилами были написаны десять правил:

— Желание нельзя менять или отменять. Всё загаданное не имеет обратного эффекта.

— Невозможно загадать желание для отмены предыдущего.

— Нельзя загадывать невыполнимые желания, противоречащие законам мироздания. В противном случае оно будет исполнено по усмотрению распорядителя.

— Владелец должен четко формулировать запрос.

— Будет выполнено ровно то, что сформулировано и загадано.

— 10 желаний должны быть загаданы в течение одного года.

— Срок может быть сокращен, если владелец нарушит одно из правил.

— Книгу желаний нельзя обменять, уничтожить, отдать, продать.

— Рассказывать о книге можно только персонам, которые согласованы с распорядителем.

— Загадать желание можно несколькими способами:

— а) записать в книгу;

— б) сильный эмоциональный порыв может претворить искреннее желание в жизнь.

— Один запрос — одно желание.

— Помимо платы в векселе за каждое желание может быть взята иная соразмерная плата.

— После десятого желания владелец книги обязан внести плату по договору.

— В случае преждевременной смерти владельца книги, оставшиеся желания будут аннулированы.

— В случае потери книги, нашедший её имеет право на одно желание.

Если владелец захочет исследовать фолиант, он должен будет заплатить соразмерную цену за эти знания.

Примечание: если книга окажется в руках другого человека из-за кражи, — похититель обязан загадать одно желание. Условия аналогичны тем, что выше. После этого книга будет возвращена её владельцу.

На следующей странице Лютфи увидел странную запись:

2 из 10. У Лютфи Маркерия Младшего осталось 8 желаний.

— Но когда я успел загадать первые два? Быть может, Герцог…

— Надо признать, говорящий кот меня позабавил. Знаешь, это необычно. Нет, бывали желания и поизысканнее, ты бы мог, например, понимать всех животных, но ты выбрал этого кота.

Лютфи повернул голову, справа на кровати сидел темноволосый мужчина. На его лице была легкая улыбка, а во взгляде читалось неприкрытое любопытство: как же отреагирует этот пацан? Он был явно выше, хорошо сложен, а волосы по плечи были аккуратно уложены.

— Откуда ты здесь, кто ты, как проник в дом… Ох, только не кричи. Я уже не раз проходил этот сценарий, мальчик.

В этот момент Лютфи как никогда хотел завопить во все горло, но не мог издать и звука. Не потому что он не кричал, голосовые связки были напряжены, даже лицо покраснело. Но звука просто не было.

— Многовековой опыт, юноша, я заранее тебя чуть приглушил. Если не успокоишься, я у тебя не только голос отниму, но ещё и парализую. Итак, ты готов поговорить более конструктивно? Кивни, если готов.

Лютфи ещё сполминуты не мог даже шелохнуться от страха, но за неимением других вариантов смиренно кивнул головой.

— Замечательно! Итак, ты уже почувствовал свою исключительность? За всю историю этой книги немногим людям удалось её заполучить! За последние 70 лет ты и вовсе первый!

— А вы настоящий? Как вы оказались в моей комнате?

— Значит, говорящий кот тебя удивил куда меньше, чем мое появление? Забавно. А то, что в том заброшенном доме было, помнишь?

— Я гнал от себя эти мысли и надеялся найти ответы в книге… Мне кажется, там произошло что-то плохое.

— Да. Тебя там убили. Почти. Но ты заключил со мной контракт и остался жив. Тебя хотела сожрать та тварь. В разные времена эти существа назывались по-разному: стриги, проклятые, темники. В нынешнее время подобные рекликты встречаются крайне редко, особенно в городах. Давай-ка я помогу тебе всё вспомнить.

Мужчина прикоснулся к голове Лютфи и в ту же секунду парень вспомнил дорогу через парк, старый дом, погоню, как его рвало то существо, и договор, который он заключил на пороге смерти.

— Так надеялся, что всё это лишь дурацкий сон, и я действительно просто ударился головой. Что я подписал?

— Ты подписал вексель, где в обмен на 10 желаний заложил свою душу.

— Как это? Я ничего такого не подписывал! Не нужны мне никакие желания! И душу свою я никому не собираюсь продавать!

— Поздно, ты сам всё подписал, вот, смотри.

Незнакомец вытянул руку, в которой материализовался свиток. Лютфи взял бумагу и трясущимися руками развернул её.

Я, Лютфи Маркерий Младший, без принуждения и давления, собственноручно подписываю сей договор. В обмен на 10 желаний я передаю душу и все права на неё держателю этой бумаги.

Документ нельзя передать, подарить, выкупить. Вернуть свою душу можно, если загадать все 10 желаний в течение 1 года. Условия могут быть изменены по усмотрению держателя документа.

Вместо подписи в нижнем углу стояла кровавая печать. Лютфи вспомнил, как окровавленным пальцем из последних сил завизировал документ.

— Так я продал свою душу или же могу её вернуть?

— Можешь, для этого надо загадать все 10 желаний.

— В чем подвох? Звучит как беспроигрышный вариант, но такого же не бывает?

— Ты абсолютно прав. Всегда есть нюанс. Ты должен загадать все 10 в течение года. И остаться в живых. Кстати, ты же понял, что уже два твоих желания исполнены?

— Какие? Я ведь не просил ничего.

— Ну как же… Первым ты попросил сохранить тебе жизнь и спасти. Вторым — говорящего кота. В книге ты уже мог увидеть запись: « 2 из 10 желаний исполнены».

— Но я ведь их не записывал!

— Верно, ты просто от всей души это захотел и проговорил. Вот всё и исполнилось. Вот был один парень, так он во время спора в одной таверне прокричал: «Да чтоб меня драла вся

команда фрегата, если я не смогу пить до утра.» Ох и давно это было, больше 200 лет прошло. В общем, он ничего не записал, но так искренне говорил, что его запрос был принят. Бедолаге оставалось загадать ещё пару желаний, и он бы получил свою душу обратно. Незавидна была его судьба, потому что до утра он пить не смог и сморило его уже на пятой кружке эля. Как-нибудь я расскажу тебе, как он потом попал на испанский корабль, но там история не самая приятная. Что я хочу сказать — не обязательно записывать, достаточно искренне чего-то захотеть.

Выдержав небольшую паузу, с легкой ухмылкой незнакомец сказал: — Советую быть осторожным в своих желаниях.

— А что будет, если я не стану ни о чем просить?

— Твое дело. Тогда по истечении срока я просто заберу твою душу. Но попробуй загадать оставшиеся восемь, и она снова твоя.

— А кто ты? Демон? Джин?

— Джин? Нет! Мои возможности и интересы выходят далеко за пределы какой-то там лампы, шкатулки и прочего футляра. Я представитель иного ремесла и для меня подобное сравнение сродни оскорблению. Что насчет демона, тут ты был ближе, но всё же промахнулся. Удивишься, но наша с тобой суть не слишком сильно и отличается. Я не зло и не добро. Я не твой друг, но и не твой враг.

— А имя у тебя есть?

— Конечно. Но тебе его пока знать ни к чему. Зови меня просто Ди. Я распорядитель. Буду рядом на протяжении всего времени, пока книга у тебя.

— Что мне делать дальше?

— Все, что только пожелаешь. Но будь осторожен и взвешивай каждое слово. Еще советую ознакомиться с самой книгой и её правилами. Ах да, пока что никому не говори о нашем партнерстве. Если ты заметил, в книге об этом также сказано. Если захочешь поболтать, просто позови меня. Но если понадобится, я и сам могу явиться.

После этих слов Ди исчез. По ощущениям их разговор длился около десяти минут, но часы на прикроватной тумбе утверждали, что не прошло и минуты с тех пор, как юноша открыл книгу.

Его сердце бешено колотилось, живот свело, и он чувствовал, что его вот-вот вырвет. Это был не сон и не галлюцинация. Ещё вчера он был обычным подростком, а сегодня успел почти умереть, поговорить с котом, да к тому же и продал душу. Лютфи был растерян, не знал, как поступить. Рассказать родителям об этом он не мог — последствия, как и наказание предсказать было невозможно. Друзья тоже вряд ли поймут, так что придется разобраться с этим как-то самостоятельно.

Лютфи не заметил, как стемнело. Родители с Сабианной вернулись ещё до заката, но он даже не слышал, как они вошли в дом. В дверь комнаты постучали, после чего в неё зашла Айкания.

— Сынок, ты пойдешь ужинать? Как себя чувствуешь, ты совсем бледный, тебе стало хуже?

— Нет, мам. Все хорошо. Дай мне пару минут, и я спущусь.

— Мы ждем тебя, не задерживайся. Саби очень расстроилась, что ты не пошёл с нами.

Стоило Айкании покинуть комнату, в неё проник Герцог.

— Парень, послушай, что тут произошло? Я чувствителен ко всяким мистериям и сверхъестественным проявлениям. И тут, кроме тебя, был кто-то. Древний и тёмный.

— Герцог, тебе опять что-то привиделось. Так и скажи, что проголодался.

Лютфи попытался скрыть свое волнение и страх за натянутой ухмылкой, но весь его вид говорил о том, что он порядочно напуган.

— Улыбка у тебя неестественная, пацан. И ты напуган. Не то чтобы ты мне нравился, но сестренка у тебя славная. Не заигрывай с тем, на что извилин не хватает. Так и быть, если нужна будет помощь, уделю тебе пару минут.

— Договоришься, воротник напялю на твою наглую морду.

— Занимайся.

Весь оставшийся вечер прошел по заветам прадеда Авеума. Семья играла в настольные игры, которые выбирала Сабианна, затем смотрела мультфильмы, которые также выбрала именинница. Все заметили отстраненность Лютфи, но списали странное поведение на недомогание.

— Может, завтра не пойдёшь в школу?

— Нет, за мной должен зайти Бон. Важный день в школе. Я без телефона, так что выйду пораньше к нему навстречу. Саби, ты не обидишься, если я пойду спать? День был непростой, хочу лечь пораньше.

— Нет, конечно. Только если Лютфик поцелует меня перед сном.

Лютфи чмокнул сестру в щеку, затем усадил на плечи и сделал несколько кругов вокруг дивана. Отец смеялся, а мать не переставала говорить, чтобы Лютфи не ударил Саби головой о висящую люстру.

Оказавшись у себя в комнате, юноша долго не мог уснуть. События прошедшего дня заставляли его вздрагивать и вырывали из дремоты. Сон овладел им ближе к утру, но будильник известил о начале нового дня. Второго дня в его жизни, где собственная душа ему больше не принадлежит.

Глава 5. Яблочки

Сандвил — уютный прибрежный курорт, живущий за счет небольшого порта и огромного лесного массива, с которым местечко соседствует с момента его основания. Недалеко от города виднеются горы, чьи виды, помимо интереса туристов, сыскали дурную славу у любителей разного рода мистицизма. Вдоль лесного массива расположены деревообрабатывающие предприятия, основатели которых еще несколько десятков лет назад разделили территории для спила. Вообще столярное дело стало основным ремеслом для многих мужчин Сандвила, и его мастера известны далеко за пределами городка. Такое соседство позволило открыть множество мебельных цехов и небольших древоделен. Местные уважают мастеров по дереву из «Бобрового прикуса», а шкафы советуют заказывать в «Горизонтальном срубе». Порт и частные предприятия также обеспечивают рабочими местами жителей. Локальная кухня нравится местным, а приезжие любят делиться своей гастрономической картой в соцсетях, отчего местная кухня давно приобрела формат «вирусной» в интернете. Находящийся между живописным лесом и морем, город давно стал центром притяжения для туристов. В сезон на курорте не перестают работать ярмарки, приезжают с гастролями цирки и выставки. И это несмотря на то, что от ближайшего крупного центра местечко находится в трех сотнях километров.

Лето приятное, жаркое, но не удушающее. Осень «поджигает» листья деревьев, окрашивая кроны в оранжевые и алые цвета, а первые проливные дожди начинаются лишь к концу октября. Зима не очень холодная, но норд-осты могут парализовать жизнь горожан на парутройку дней. Весной же все великолепие природы начинает играть буйной, зелёной палитрой деревьев, переливами цветов, а гамма луговых сухостоев давно стала причиной весенней миграции пейзажистов.

Дорога в школу от дома Лютфи занимала около 20 минут спокойным шагом, но по своему обыкновению он выходил за полчаса. Обычно его ждал Бон — друг ещё со времен раннего детства. Крепкий от природы, он обладал добрым нравом и вопреки внушительной внешности на деле был человеком миролюбивым и даже кротким.

— Бон, мама передала тебе сэндвичи, так что по пути будет чем подкрепиться.

— Спасибо, Лютфи. Твоя мама как всегда заботлива. А я как раз не успел позавтракать.

— Опять с утра муку разгружал в пекарне отца?

— Как и в любое другое утро.

Их путь обычно сопровождали безмятежные разговоры. Общительный Лютфи задавал тему, а Бон охотно её поддерживал. Но в этот день Лютфи был непривычно молчалив.

— У тебя всё хорошо? Не заболел?

— Да, всё хорошо. Вчера выдался непростой денек. Я сейчас задам странный и, возможно, неожиданный вопрос… Скажи, ты веришь в демонов и прочие мистические вещи?

— Дед рассказывал мне как-то о том, что в наших лесах живут духи, и если ты задержался в нём после заката, то они будут мешать найти путь домой. Но мне кажется это всё вымысел. А что? Неожиданный вопрос, если честно.

— Просто так спросил, надо же о чём-то болтать до школы. Ну а если бы ты с чем-то подобным столкнулся?

— Я бы спросил у дедушки, что мне делать.

— А он разбирается в таких вещах?

— Как-то в детстве, после похода на кладбище, его начали мучать кошмары. Он практически перестал спать. Мать повела его к знахарке, та сказала, что к нему прицепился какой-то неупокоенный дух, который из него и тянет энергию или что-то в этом роде. Она провела обряд над ним, в доме разложили какие-то мешочки с травами и жгли благовония три дня. После этого всё прекратилось.

— Вот как. А что он думает на этот счёт?

— По сей день не любит темноту и после смерти завещал его кремировать, а не хоронить. А об этой истории говорить не очень-то любит. У тебя что-то случилось? Если не спится, можем как-нибудь поговорить с ним об этом. А то виду у тебя уставший, как-будто не спал совсем. А вообще лучше сходи к врачу.

— Буду иметь ввиду. Ты к контрольной подготовился?

— Да когда бы. Вчера весь вечер помогал на складе инвентаризацию проводить. Не досчитались муки, так отец сказал, что не вернусь в дом, пока не пересчитаю все мешки ещё раз. Вот я и перекладывал один на другой и пересчитывал остатки.

— Нашли?

— Нашли. После второго пересчёта он вспомнил, что одолжил десяток соседней пекарне.

— Тут даже ты, наверное, разозлился!

— На это сил уже не осталось. Дома смог только поесть, вымыть муку из волос и завалился спать. А ты готов?

— Да готовился так, что чуть не умер, хе-хе… Шучу. Я тоже не успел.

— Вдвоем получать двойки не так страшно.

— Только дома этого не объяснить.

— И то верно.

Недалеко от школы их окликнул женский голос. Это была Манис: активная, энергичная девушка среднего роста с яркими рыжими волосами. Тиирос разбавляла компанию мальчишек, была не только крайне симпатичной девушкой с правильными чертами лица, аккуратным носиком, выразительными зелеными глазами и небольшими веснушками на лице. Главным своим достоинством она считала острый язык, а главным её оппонентом в словесных баталиях обычно становился Лютфи. Когда парни обернулись, Манис перелезала через забор, а на её лице выступил розовый румянец, какой бывает после пробежки.

— Что ты делала в том дворе?

— Шла я в школу и увидела там яблочки в ящике лежат. А их там та-а-а-к много, а нам-то надо всего четыре штуки. Ещё одно Ледок съест.

— Так ты их украла?

— Лютфи, ты опять нудишь! Я взяла излишек. Пропажу не заметят, возьми я хоть с десяток. Просто бери и ешь. Ты тоже, Бон, опять ведь не завтракал?

— Спасибо, Манис.

— Да твою рыжую шевелюру видно за километр. Ох и поймают тебя.

— Лютфи, вот поэтому у тебя и нет девушки.

— Да я просто ещё не встретил ту самую. И вообще, знаю я одну историю, где из-за женщины и яблока начались проблемы библейского масштаба!

— Да-да, надеюсь, тебе попалось яблоко с червяками!

На входе в школу, тщательно полируя линзы очков, их ждал Ледок. Одетый не совсем по погоде. Он был из тех людей, которые предпочитали одеться теплее утром и хорошенько вспотеть ближе к полудню, нежели, не дай Бог, простудиться. Ледок любил всё проверить дважды, а потом ещё перепроверить и в третий раз. Кто-то мог бы счесть его занудным или назвать брюзгой, но те немногие, а именно Лютфи, Бон и Манис, сумели разглядеть в нем ещё и доброго человека, не обделенного умом.

— Без пяти минут восемь, вы как обычно опаздываете. Вот-вот звонок прозвенит.

— Ледок, ты, видимо, тут ещё со вчера, а то вдруг опоздаешь. Вот, держи яблоко.

Манис протянула яблоко, отряхнув с него кусочек земли.

— Оно мытое?

— Нет, но оно чистое.

— Поем только после того, как помою. Да и вообще кто предлагает грязные фрукты?

Хоть его по-своему любили, и ключевое слово тут «по-своему», порой его характер оказывался сильнее, чем терпение ребят. Бон молча прошёл в школу, Лютфи не был в настроении и просто назвал его Душнодком. Манис же была изобретательнее и отпустила пару шуточек о его страхе обнаружить у себя в заднице червей из-за немытой еды. Вообще тема беспозвоночных каким-то образом стала лейтмотивом этого утра.

Первый учебный день после выходных выдался непростым. Первым уроком была алгебра, к тому же на ней пришлось писать ту самую контрольную, к которой Лютфи и Бон были абсолютно не готовы. Манис успешно списала у соседа по парте, которым по счастливому, но не случайному стечению обстоятельств оказался Ледок. У последнего задачи не вызвали никакого затруднения.

После были языки, поход в столовую, химия и физика. К половине второго уроки наконец-то закончились.

— Мальчики, вы куда после школы? Только не говорите, что у вас дела. Я бы хотела вам предложить одну, скажем так, авантюру.

Хоть и настроение у Лютфи было прескверное, язвить он любил больше, чем хандрить. Либо просто ещё не до конца осознавал своё патовое положение и не ведал о грядущих неприятностях, которые для него услужливо подготавливала книга.

— Дай угадаю, яблоки воровать позовешь? А вдруг их уже унесли, где искать будешь?

Но как бы он ни был хорош в этом, острый женский язык был гораздо изощреннее и крайне охотлив на разного рода остроты.

— У тебя в заднице, Лютфи! Хватит уже меня доставать с этими яблоками! Я хотела позвать вас к одной гадалке! На окраине город стоит шатёр госпожи Протерии. Я о ней много слышала, и сейчас она приехала в Сандвил.

— Манис, ты действительно в это веришь? Она же определенно шарлатанка.

— С чего ты взял, Ледок?

— Это ведь антинаучно. Никто не может предсказывать будущее.

— Но и обратное не доказано! Ну давайте, хотя бы сходите со мной. Одна я побаиваюсь, но мне так хотелось бы с ней пообщаться! Пожалуйста!

— Я пойду. Только я вернусь домой, сразу погонять в пекарню. Может что-то о моём будущем да расскажет.

— А я просто хочу доказать, что всё это чепуха! Посмотрим, что умеет эта госпожа хЕромант.

— Хиромант, Ледок.

— Я так и сказал. Лютфи, пойдешь с нами?

— Не оставлю же я нашу неугомонную Манис одну. А то по пути ещё чей-то двор обнесет.

— Спасибо, ребята. И придурку Лютфи тоже передайте мою благодарность.

Глава 6. Ты не хочешь этого знать

О госпоже Протерии ходили разные слухи: одни считали её способности настоящим даром, другие же называли обычной мошенницей. Связано ли это с тем, что сказанное Протерией оправдывало ожидания первых или же наоборот — разбивало мечты последних, всем угодить было невозможно, отчего этот вопрос лежит в плоскости людской субъективности. Но желающие пообщаться с провидицей всегда имелись.

Её шатер находился на краю города и граничил с лесом. По своему обыкновению она любила останавливаться не в многолюдных местах. В этом случае, по её мнению, на сеансы придут именно заинтересованные люди, а не простые зеваки, ведь ремесло своё она уважала и старалась, в меру своих возможностей, помогать людям. Но и зарабатывать она была не против. Рядом с шатром стояла табличка со следующим посланием: «Плати сколько сочтешь нужным, но помни, что удача любит щедрых.»

Для Манис поход к гадалке был не просто приключением, а возможностью, как она думала, заглянуть хотя бы одним глазком в будущее и соприкоснуться с чем-то мистическим. Ледок же пошёл, чтобы ещё раз утвердиться в своих скептических догматах — о будущем могут говорить только синоптики, и то исключительно в разрезе погоды. И даже они ошибаются. Бон хотел поддержать свою подругу, да и времяпрепровождение с друзьями вместо работы после школы было хорошей альтернативой. Лютфи просто искал способ отделаться от тревожащих его мыслей о будущем, заложенной душе, книге и, кажется, в компании друзей это получается лучше всего.

Дорога к провидице, или как говорил Ледок — «так называемой провидице и хЕромантке» заняла около часа. За это время каждый решил зайти к гадалке и задать свой вопрос. Вопреки ожиданиям Манис, очереди на входе не оказалось, и когда компания приблизилась к шатру, его покидал угрюмый мужчина.

— Кто пойдет первым? Я что-то побаиваюсь.

— Манис, ты нас сюда притащила, тебе и идти первой.

— Лютфи, раз такой умный, может и пойдешь передо мной? Тебя меньше всех жалко.

Бон предложил пойти всем вместе. Из-за нарастающего волнения эта идея показалась всем наилучшей, а Ледок добавил, что большое количество участников этого практического эксперимента лишь повысит точность.

— Ой, Ледок, просто признай, что нервничаешь, ведь с таким ты раньше не сталкивался. Ещё какое-то исследование приплел.

— Манис, увеличение выборки повышает статистическую точность, а масштаб сглаживает аномалии! И мне будет ещё проще доказать, что нет никакого предвидения!

— Четыре человека для тебя большая компания? Ну прям масштаб!

— Всё относительно.

Этот спор мог бы продлиться ещё неопределенное время, но на шум, нарушающий спокойствие и тишину предлесья, вышла сама Протерия. Это была высокая темноволосая женщина около сорока лет с банданой на голове, в которую были аккуратно собраны длинные темные волосы. Её платье, хоть и было крайне престойного кроя, но облегало фигуру так, что лица юношей тут же покрылись легким багрянцем.

— Вы шумите. Так боитесь меня или узнать своё будущее? Да ещё и так молоды. Обычно в вашем возрасте подростки увлечены настоящим и совсем не думают о завтрашнем дне.

— Здравсвуйте, госпожа Протория, мы…

— Протерия.

— Извините, госпожа Протерия. Мы просто волновались и не могли решить, кто пойдет первым.

— Ну так первой и иди. Вряд ли мальчишки пришли бы сюда без тебя. А ты, зануда в очках с милым лицом, думаешь, я всё вру и обычная шарлатанка?

— Не то чтобы я считаю, что вы лгунья, просто ещё, ну знаете, не было научно доказанных методов прогнозирования судьбы и…

— Значит, ты пойдешь вторым. Крепыш и кудрявый, вы соответственно по счету третьим и четвертым. Деньги-то у вас есть?

Все четверо кивнули и сразу же полезли в карманы.

— Да подождите вы. На выходе положите в шкатулку сколько захотите. Много не надо, не хочу брать с детей больше, чем вы тратите на обед. Перед тем как войти, возьмите эти бумажки, они определят цвет вашей души. Как зайдете, отдайте их мне.

Протерия дала каждому по небольшому прямоугольному листку светло-серого цвета. В центре было место, куда следовало вписать имя и дату рождения. Возможно, харизма провидицы или же некоторая властность в её тоне так подействовали на её юных посетителей, что от былого коллективного скепсиса не осталось и следа. Получив бумагу, каждый старательно заполнил форму.

— Идём, девочка, остальные по очереди.

Спустя четверть часа Манис вышла из шатра. На её лице не было какой-то определенной эмоции, но по свойственной ей привычке почёсывать нос в момент смущения и глубоко внутреннего удовлетворения, ребята поняли, что слова Протерии её, как минимум, не разочаровали. В руках она держала бумажку, которая окрасилась в красный цвет.

Следующим пошёл Ледок. Его разговор с Протерией занял не больше десяти минут, после чего он вышел из шатра крайне озадаченный и немного потерянный. В руке он держал карточку фиолетового цвета.

Пришла очередь Бона. С ним женщина проговорила дольше всего и лично вывела его из шатра. Она что-то говорила ему, положив руку на плечо, после чего крепко обняла. Бон выглядел крайне смущенным, но казалось, что сказанное Протерией его ободрило и придало уверенности, а его карточка окрасилась в желтый цвет.

— Ну что, ты последний, идём.

Лютфи проследовал за гадалкой внутрь шатра. Его убранство, вопреки ожиданиям, было не очень броским. Внутри на входе стоял большой сундук, в правом углу виднелась небольшая софа, а на другой стороне расположился слегка пошарпанный шкаф. На его полках лежали различные камни, карты, даже что-то похожее на человеческий череп. Свет горел приглушённый, а искусственные свечи, расположенные по периметру, служили скорее украшением, нежели полноценным источником света. Посреди шатра стоял круглый стал, накрытый тёмно-синей скатертью. На нём стоял хрустальный шар, свечи, благовония и ещё одна колода карт, очень похожая на таро.

— Присаживайся и дай мне свою карточку.

Лютфи протянул Протерии карточку души, которая так и не поменяла цвет, сохранив светло-серый оттенок.

— Первый раз вижу, чтобы карточка не изменилась.

— А это плохо?

— Не могу сказать. Обычно цвет раскрывает внутренний потенциал человека, его личность, характер. Красный значит, что человек чувственный, эмоциональный, преданный. Синий говорит о том, что носитель души прагматичный, холодный. Ассоциации прямые, тут нет никакого подвоха. Нечасто я видела фиолетовый, как у твоего друга. Ледка, кажется.

— А он что означает?

— Есть ученые, люди науки, а есть алхимики. Они стоят на сопряжении философии, обмена, перерождения, самой науки, математики и магии. К тому же эти люди имеют живой ум,

что позволяет им выходить за пределы конкретного учения и не становиться его заложниками. С виду твой друг жуткий скептик, но на деле он открыт знаниям разного рода.

— А строит из себя… А что насчёт Бона, что его цвет означает?

— Сам спросишь. Давай лучше разберемся, почему твоя карточка так и осталась серой. Сядь ровно и посмотри мне в глаза.

Протерия взяла Лютфи за голову и приблизилась к его лицу почти в упор, пристально вглядываясь в карие глаза юноши. Постепенно она всё сильнее сжимала его виски и, казалось, что женщина совсем не дышит и не моргает. Внезапно Протерия оттолкнула Лютфи, вскрикнула, а затем отвесила ему хлёсткую пощёчину.

— Как ты мог? Как ты мог продать свою душу? Вот почему твоя бумажка не окрасилась! У тебя нет души, ты стал всего лишь оболочкой! Сколько тебе лет? 16, 17? Как ты вообще умудрился это сделать, парень? Ты хоть понимаешь, насколько богомерзкий поступок совершил?

— Но я… Как это во мне больше нет души? С чего вы взяли?

— Ох бедное глупое дитя… На что ты её променял? Захотел быть с девушкой, которая нравится или обменял на деньги? Ты хоть понимаешь, что тебя ждёт при жизни? Но самое ужасное, ты не представляешь, на что обрёк себя после смерти!

Лютфи не мог выронить и слова. Он хотел рассказать о событиях в том зловещем доме, но не мог выдавить из себя и единого звука. Его горло и рот как будто были скованы, онемели. Паника, страх, на его глазах выступили слёзы. Но всё же ему удалось задать один единственный вопрос: «Что со мной будет?»

— Я не знаю, а ты явно не хочешь этого знать. Убирайся отсюда, ты мне противен! Зло, с которым ты связался, оставляет следы на каждом человеке, с которым ты вступаешь в контакт. Грязь, мерзость.

— Я не хотел, чтобы всё так получилось, посмотрите в моё прошлое, я…

— Пошёл вон! Больше не приходи, никогда!

Крики были слышны даже за пределами шатра. В какой-то момент Бон, Манис и Ледок всё же пересилили свой страх и вошли внутрь. Они увидели испуганного Лютфи, который положил руку на горящую после удара щёку. А напротив стояла разъяренная и одновременно напуганная Протерия.

— Госпожа Протерия, что произошло?

— Спросите у своего друга, забирайте его и убирайтесь, все! А вообще, советую вам держаться от него подальше. Он проклят. Его душа, всё его естество обречены.

Глава 7. Почему дерутся дети

Домой компания шла почти молча. Никогда ещё Бон, Ледок и Манис не видели Лютфи таким мрачным. По своему обыкновению он был веселым, любил дурачиться и подшучивать над друзьями. К тому же каждый слышал, что прокричала предсказательница. И всё было бы не так страшно, если бы каждый, пообщавшись с ней не был шокирован её словами, выводами и предсказаниями относительно своей персоны. Даже Ледок, который до сих пор считал экстрасенсорику, хиромантию, гадания и прочие антинаучные практики вымыслом, находился под впечатлением от общения с Протерией.

— Лютфи, что там у вас произошло?

— Бон, я не могу рассказать, буквально не могу. Я очень хочу, но никак.

— Лютфи, а в чем проблема? Возьми да скажи. Или это какой-то страшный секрет?

— Можно и так сказать, Ледок. Дайте мне немного времени, и я найду способ вам обо всём рассказать. Простите, ребята. Проводите Манис, уже темнеет, я сам дойду.

Лютфи вернулся домой почти в девять вечера. Он знал, что скорее всего ему влетит от родителей из-за позднего возвращения, но всё же решил направиться домой самой длинной дорогой. Вернувшись, у двери он сразу же встретил встревоженную маму.

— Ты где был? Отец поехал тебя искать! Мы уже думали, что ты пропал или тебя похитили!

— Ма, да нормально всё, мы к гадалке ходили.

— Это к той, что около леса живет?! Ты в себе? Там же и дикие животные водятся и вообще, кто знает, что у неё на уме!

В этот момент вернулся отец. Обычно, пребывающий в хорошем расположении духа, в этот раз он был необычайно хмур и сердит.

— Лютфи, помоги мне вытащить инструменты из багажника.

Это был лишь предлог, чтобы остаться с сыном один на один. Когда они вышли на улицу, вопреки ожиданиям о воспитательной беседе, отец начал разговор иначе.

— У тебя всё хорошо? Обычно ты себе такого не позволяешь. Мог хотя бы попросить телефон у друзей и позвонить домой. Мы ведь волновались. Недавно ты пришел в порванной одежде, я сказал твоей матери, чтобы она не трогала тебя из-за этого. Мальчишки, всякое бывает. Теперь ты приходишь домой затемно. Если у тебя неприятности или нужна помощь, скажи мне. Я твой отец и ты всегда можешь на меня рассчитывать, сын. Моя роль — не только воспитывать и читать нотации, но и быть стеной между вами и этим миром. Итак, спрошу ещё раз: всё ли у тебя хорошо?

Эти слова растрогали Лютфи и казалось, что сейчас отец был единственным человеком, который мог бы понять всю тяжесть свалившегося на его плечи бремени. Но юноша был вынужден врать, так как не мог сказать всей правды и боялся последствий.

— Пап, правда, всё хорошо. Я правда гулял с друзьями. Извини, что заставил вас нервничать.

— Я верю. Но тебе надо заняться делом, чтобы не влипнуть в будущем в какую-нибудь историю. Завтра я заберу тебя со школы, поможешь мне в цеху. Ты же давно хотел посмотреть, как мы обрабатываем дерево.

Такая новость обрадовала Лютфи, хотя остаток вечера он всё также провел в подавленном настроении. Парень хотел посмотреть содержание книги, но был слишком напуган тем, что сказала ему Протерия, поэтому решил сделать вид, что фолианта просто не существует.

Последующее утро и школьная рутина были ничем не примечательны, за исключением того, что вернулся Квод Орбус. С виду этот молодой человек производил впечатление крайне благопристойное: отличник, спортсмен, участвует во всевозможных школьных олимпиадах и

находится на хорошем счету у учителей. Но за этим образцовым фасадом скрывалась личность жестокая, а порой и вовсе садистская. Он никогда не травил сверстников напрямую, так как это могло разрушить его идеальную репутацию. Квод делал это сначала еле-заметно, втираясь в доверие со своими дружками, затем через просьбы о помощи, а когда жертва понимала, что её систематически обирают — начинался прямой буллинг и избиения вне школьных стен. Дружки Квода — Сифис и Фотр были ему под стать, но любовь к садизму этих двоих на фоне лидера их шайки просто меркла. И так сложилось, что Кводу очень не нравился Ледок, а свободолюбивая и немного пацанковатая Манис его откровенно бесила.

Школьная перемена — это время перевести дух между уроками, поделиться новостями или просто поболтать ни о чем. Но порой за эти десять минут может разыграться настоящая драма, так и произошло в этот, казалось, ничем непримечательный день. Лютфи с Боном поднимались в класс после перемены, когда увидели, как их друга Ледка держал за шиворот здоровяк Фотр, а Манис осыпала Квода крайне изощренными ругательствами.

— Ты же понимаешь, что девушка не должна так выражаться? Тебя что, не воспитывали родители? Ах да, у тебя же их нет. Только старая бабка и дед, верно?

— Какой же ты урод, Квод, — Манис еле сдерживала слезы, а ком, подступивший к горлу заставлял цедить слова сквозь зубы.

— Слышать такое от чучела в клетчатой рубашке и джинсах… Это вообще можно считать оскорблением?

Лютфи, хоть и любил перекидываться колкостями с Манис, никогда не позволял себе опускаться до прямых оскорблений. А стерпеть подобное в её адрес от Квода и вовсе был не в силах. Он хоть не был самым атлетичным парнем в школе, но тренировки с отцом помогли закалить тело до кондиций, позволяющих защитить себя нанести достаточный вред обидчику. Патерус научил его не только базовым ударным движениям, но и хитрости. Как он любил говорить: «Самый опасный удар, это не самый сильный, а тот, который ты не видишь.»

Лютфи окликнул Квода, занес руку, как будто готовясь ударить его кулаком по лицу, и как только его оппонент инстинктивно закрыл лицо руками, Лютфи коротким движением ноги нанёс удар обидчику его подруги прямо в пах. Квод вскрикнул и упал на колени, схватившись руками за причинное место. В это время Бон освободил Ледка из лап Фотра и возился с ним на полу, где каждый попеременно, но безуспешно пытался взять верх в борьбе над своим оппонентом. Освободившись, Ледок и сам был готов вступить в бой со стоявшим в стороне трусоватым Сивисом, как их потасовку прервал голос завуча по воспитательной работе и учителя господина Фрауса Малааса.

Он был тем педагогом, которого уважали практически все ученики: сдержанный, тактичный, чуткий к переживаниям детей, он никогда не оставлял их один на один со своими проблемами. Это был человек среднего роста со светло-русыми волосами, уложенными на бок. Возможно его внешний вид, немного чудаковатый и по-доброму безобидный, вызывал ещё большее доверие: круглое лицо, небольшой рот, уголки которого обычно стремились вверх, образуя добродушную улыбку, неизменно располагали к себе собеседника. Небольшой нос и открытые глаза венчались забавным и слегка высоковатым для мужчины голосом. Фраус обычно носил мешковатые рубашки или же свитера, из-за которых его фигура порой выглядела нелепо. Каково было удивление учеников и коллег, когда на местных соревнованиях по гиревому спорту он занял второе место в своей весовой категории.

— Бон, Фотр, быстро встаньте, почему Квод на полу? Что здесь произошло?

Красный от боли и гнева Квод с трудом поднялся, и, вытирая пот со лба сообщил, что на них по указке Манис напали Лютфи, Бон и Ледок. Ребята пытались оправдаться, но Малаас не стал разбираться на месте и попросил зайти к нему после уроков, а затем проследил, чтобы каждая компания ушла в свой класс.

— Ледок, Манис, как вы вообще с ними сцепились?

— Они уже давно меня задирал. Сначала эти придурки набивались в друзья, но мне они никогда не нравились, и я старался с ними не общаться. Потом начали требовать деньги, сегодня я им отказал в очередной раз, вот они и перешли к действиям. Манис вступилась за меня, а дальше вы уже подоспели. Спасибо вам, парни.

— Да, спасибо. Лютфи, это было смело, я не думала, что ты так разозлишься из-за меня.

Манис была действительно озадачена столь бурной реакцией Лютфи и, неожиданно для себя не могла скрыть смущения.

— Ну знаешь, мы ведь друзья, а он такое говорит… Я не мог просто стоять, ну и вот… Неплохо я ему дал, да?

— Хах, настолько, что у него аж голос просел. Но что делать дальше? Они этого так не оставят. Квод и вовсе кажется мне сумасшедшим. Говорят, он настолько затравил парня в прошлой школе, что тот наглотался каких-то таблеток, лишь бы не ходить на занятия и не пересекаться с этим уродом. Так его еле спасли.

После уроков ребята обсудили, как будут противостоять Кводу и его дружкам, решив пока что держаться вместе и не разделяться на переменах, после чего направились в кабинет Малааса. Завуч ждал их, и, размешивая добрую порцию сахара в огромной чашке, начал неторопливо говорить.

— Я послушал версию учащегося Орбуса, теперь хотелось бы выслушать и вас.

Манис в подробностях рассказала, из-за чего начался конфликт, после чего каждый из ребят добавил детали со своим участием.

— Я вас понял. Вымогательство — это довольно серьёзное обвинение, я проверю всё, что сказали они и вы. Маркерий, ты очень сильно ударил Квода, если получится так, что ты нанёс ему травму, то боюсь вашей дракой займется дисциплинарный комитет.

— Я понимаю, но надеюсь, что с ним всё будет хорошо. Но поверьте, они первыми начали. Ледок никогда бы не полез в драку, да и мы с Боном махать кулаками не очень-то любим.

— А зачем тогда ты его ударил?

— Он оскорбил Манис, унижал её при всех.

— В любом случае, ещё один подобный инцидент и эта проблема примет иной масштаб. Надеюсь, вы это понимаете. И перед тем, как вы уйдете…

Фраус приподнял волосы, закрывающие его лоб. Там виднелся огромный шрам.

— Видите? Однажды я вступил в драку с главным задирой из моей школы. Я неплохо себя показал в честной битве, но за школой он поджидал меня с камнем в руке. Помню, как он ударил меня им в голову несколько раз, после чего я потерял сознание. Врачи сказали, что меня спас необычайно крепкий череп, и я отделался лишь трещинами. Драка не всегда лучший способ решать конфликты. Что же, полагаю, на этом стоит попрощаться. Берегите себя и держитесь подальше от неприятностей.

Глава 8. Красный свет

Выйдя со школы, Лютфи увидел припаркованный пикап отца и его, вальяжно расхаживающего вдоль автомобиля.

— Лютфи, ты задержался, я уж думал, что ты забыл о поездке в цех и ушёл. Привет ребята, может вас подвезти домой?

Манис, Бон и Ледок хором поздоровались с Патерусом и приняли это, необычайно уместное предложение. После недавних событий, добраться домой в сопровождении взрослого было наилучшей идеей.

Патерус был знаком с Боном и Ледком, так как они периодически приходят в гости к его сыну. О Манис же он только слышал, но встретились они в первый раз. Будучи человеком веселого нрава, он не мог, да и не хотел начинать знакомство банально и скучно.

— Ребята, усаживайтесь, даму усадите на самое удобное место. Ты ведь Манис? Лютфик рассказывал о тебе много хорошего.

— Здравствуйте, я рада знакомству, о вас он тоже часто рассказывает.

— Надеюсь только хорошее? О моих величественных усах говорил? Тебя пацаны не обижают?

— Нет, они очень галантны. Почти всегда.

— А парень у тебя есть?

Тут стало неловко всем, включая Лютфи, который поспешил вмешаться в разговор.

— Пап, у девушек такие вещи не спрашивают, не смущай её!

— У девушек нельзя спрашивать о её годах и весе. Но Манис вашего возраста и девушка на вид очень стройная. Эх пацаны, кому-то из вас может и повезет, если не будете мешкать. Вот я со своей Айлин знаком ещё со школы, она была самой красивой девочкой в классе. И представляете, в упор меня не замечала!

— И как же вы сумели обратить на себя внимание, — поинтересовалась Манис.

— Мы с классом пошли в лес и там на нас напал дикий зверь!

— Пап, это был енот, который хотел стащить еду мамы.

— Неважно, это же всё ещё дикий зверь. Я отбил её ужин, после этого у нас завязалось общение. Потом я до конца года провожал её со школы и только на каникулах мы пошли на первое свидание. После этого мы не расставались.

— Да вы герой, господин Маркерий, — слегка ехидничая подметила Манис.

— Спасибо, Манис, ты мне уже нравишься.

Патерус развез детей по домам, после чего направился с Лютфи в цех.

— Пап, почему ты решил позвать меня на свою работу.

— Во-первых, я хочу чем-то занять тебя. Будет меньше времени на то, чтобы влипнуть в историю. Во-вторых, на следующий год у тебя будут экзамены, а ты еще не определился, куда хочешь поступать. Я не настаиваю на том, чтобы ты перенимал моё ремесло, но это прибыльное дело и я хотел бы тебе показать, как там всё устроено, вдруг заинтересуешься. Но окончательный выбор остается за тобой.

Патерус Маркерий начинал с простого лесоруба, затем устроился в распилочный цех где продолжил работать с деревом. Со временем обучился столярному и плотницкому ремеслу, даже освоил резьбу по дереву. Спустя годы ему доверили возглавить одно из крупнейших деревообрабатывающих предприятий Сандвила.

— Видишь ли, сын, технологии развиваются каждый день и скоро машины заменят человека во многих сферах. Но ручной труд и человеческое чутье не получится вытеснить.

— А как же станки, вы же недавно оснастили ими всё предприятие?

— Но на них всё равно работают люди. Да и никакой станок не вставит оконную раму, а наши ребята тут и этому учатся.

По приезде отец провел экскурсию по всем цехам, показал, как правильно хранить дерево, пилить, вскрывать лаком. Позволил Лютфи встать за шлифовальный станок, познакомил с коллегами. В большинстве своем это были простые мужики, работяги, на которых и держится экономика любой страны. К вечеру Лютфи обошёл все цеха и пребывал под огромным впечатлением.

— Пап, это так круто! Я и подумать не мог, что ты знаешь, как здесь работает всё оборудование. Я могу иногда приходить и что-то мастерить?

— Я понимаю принципы работы всех механизмов, но по-настоящему знают свое дело операторы, столяры и плотники. Хотя, конечно, в случае чего я и сам мог бы встать за любой и выполнить нужную работу. Что касается твоего рвения, я рад, что тебе понравилось. Но чтобы научиться работать с техникой, сначала ты должен познать дерево и все процессы его обработки. Поэтому, если захочешь, я отправлю тебя в бригаду вальщиков леса.

— А зачем?

— Ты должен изучить весь процесс с самого начала. Только тогда ты сможешь стать хорошим специалистом, а твои подчиненные не смогут тебя обмануть. Да и что ты за сандвилец, если не умеешь орудовать пилой и топором?

— Справедливо, тогда я смогу прийти на неделе?

— Как пожелаешь.

К вечеру мужчины семейства Маркериев выехали домой. По пути Лютфи рассказал об инциденте в школе. Отец, как и подобает взрослому, сказал, что все конфликты следует решать диалогом, но не смог скрыть внутреннее удовлетворение, что сын вступился за своих друзей.

— А как тебе Манис? Мне показалась очень милой девушкой.

— Она и правда хорошая, но знаешь, немного пацанковатая.

— Поверь мне, такие девушки в отношениях раскрываются совсем с другой стороны, тут все зависит от мужчины. Да и с ними веселее всего. Твоя мать не носила платья до окончания школы, но потом, поверь, всё меняется.

— Хм, может быть, в любом случае она мне, скорее, как друг.

— Вот была одна история с твоей мамой, как то мы выпивали в баре, когда учились в университете и к ней начал приставать один мужик. Я уже хотел вмешаться, как услышал от неё такой поток ругани в его адрес… А его ошарашенный вид, это надо было видеть. Знаешь, девушка должна уметь постоять за себя.

— А ты дрался из-за мамы?

— Было дело. На день всех влюбленных я повёл её в кино, и когда мы стояли в очереди…

Рассказ отца прервал визг резины и удар в бок пикапа. На красный свет пронесся седан, водитель которого, либо не различал цвета, либо и вовсе был не знаком с правилами дорожного движения. Удар пришелся в заднюю часть, отчего двухтонный пикап развернуло и выбросило на встречную полосу. К счастью, время было позднее и прочих автомобилей на дороге не оказалось.

— Сын, ты как? Цел?

— Да, слегка ударился головой, но ничего критичного.

— Надо посмотреть, что с тем водителем.

Из седана вышел крепкий на вид мужчина ростом под два метра примерно сорока лет. Он направился в сторону Патеруса, и весь его вид говорил о том, что себя виновным он не считает. К тому же по резким и хаотичным движениям казалось, что виновник аварии был, скорее всего, нетрезв.

— У тебя глаза есть? Ты что не видел мою машину?

Мужчина был в гневе и казалось, что конструктивный диалог с ним построить было крайне затруднительно.

— Есть, и они видели, что ты проехал на красный. Хочешь посмотреть запись на регистраторе?

— Пошёл ты нахер со своим регистратором! Я лучше посмотрю, как ты будешь оплачивать ремонт моей машины!

— Давай ка успокоимся, здесь ещё мой сын. И платить, к твоему несчастью, придется тебе. Страховка есть?

— Ну и твой сын пусть нахер идет вместе с тобой и страховкой, деревенщина.

В ту же секунду обычно спокойный и доброжелательный Патерус переменился в лице. Его кулаки сжались, а левое плечо инстинктивно подпрыгнуло к челюсти. Со стороны он стал выглядеть как сжатая пружина, готовая в любой момент высвободить скопившейся в ней импульс.

— Это же ребенок, выбирай слова.

— Иначе что? А ничего ты мне не сделаешь. Или проверить хочешь?

— Последний раз говорю тебе успокоиться. Сейчас мы вызовем полицию и оформим все бумаги. Дальше будешь разбираться со страховой.

— Вижу ты не понял, что на деньги тут попал ты. Какой ещё последний раз?

Лютфи наблюдал со стороны за этим диалогом. Он знал, что его отец был человеком крепким, а шрамы на кулаках говорили о том, что его юность была далеко не беззаботной порой. Хоть отец и не любил об этом рассказывать, Лютфи подозревал, что эти следы прошлого, регулярные тренировки отца были следствием не самых простых времен. В какой-то момент диалог перешёл на повышенные тона, тревога юноши усиливалась, а вокруг не было ни души. Неожиданно, мужчина пошёл в сторону отца, подняв руки к голове, что очевидно означало неминуемый конфликт.

Патерус закрыл Лютфи, молча принял боевую стойку и сделал шаг навстречу оппоненту. Первым удар нанёс виновник аварии, выбросил немного корявый, но довольно сильный кросс. Патерус сместился за в сторону и пробил левой рукой в печень нападавшего, затем точным хуком правой руки попал по челюсти мужчины. Он не просто махал руками, это были выверенные удары. Несмотря на силу и точность, которые бы сломили многих людей, каким-то чудом пьяный мужчина остался на ногах. Он немного подсел от боли, пошатнулся, но затем начал хаотично наносить боковые удары, пытаясь сбить с ног Патеруса.

Сделав пару шагов назад, принимая удары в блок, он всё же пропустил парочку вскользь по лицу. Затем, резко взяв в клинч агрессора, он нанес ударом коленом по ребрам и выбросил молниеносный локоть, попав в висок. От этой комбинации мужчина обмяк и осел на землю.

— Я же предупреждал тебя. К чему было это всё?

— Да пошёл ты…

Нападавший скрутился и корчился от боли на земле, держась за голову и жадно глотая воздух, пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

— Иди за документами, я вызову помощь.

Пока Патерус общался с полицией по телефону, мужчина доковылял до машины и принялся рыться в бардачке. Лютфи выдохнул, хотя и был невероятно взволнован и одновременно горд за своего отца.

— Ну что, испугался, да? Не переживай. Такое случается, поэтому я и заставляю тебя тренироваться вместе со мной, хоть ты порой и ленишься.

Раздался выстрел. Патерус с Лютфи забежали за пикап и присели. Мужчина стоял с револьвером в руках. Он выглядел абсолютно неадекватным, а в его глазах читалось лишь желание отомстить. К счастью, первым выстрелом он промахнулся и лишь слегка оцарапал руку Патеруса.

— Ну что, сука, думал всё так и закончится? Ты тут и останешься со своим уродцем. Ты пожалеешь о том, что не отключил меня.

Второй выстрел угодил в боковое зеркало пикапа, за которым спрятался Лютфи с отцом.

Отец повернулся к Лютфи, положил руку на плечо. У юноши бешено колотилось сердце и дрожали руки.

— Послушай, полиция будет ехать со стороны города. Я сейчас с ним поговорю, как он отвлечется, беги им навстречу, понял меня?

— Ты с ума сошел, папа? Он же псих, он сразу тебя застрелит!

— Молчи и делай, что я сказал!

Лютфи пытался удержать отца, но он, оттолкнув сына, вышел навстречу вооруженному человеку. Пытаясь отвлечь и заговорить его, он начал вести отстраненный диалог. Лютфи не мог бросить отца и понимал, что должен что-то сделать. И тут он увидел, что на его отца вновь направили дуло пистолета. Стрелок держал его обеими руками и при следующем нажатии на курок собирался убить Патеруса. В голове юноши за секунду пронеслись мысли о том, что отца вот-вот убьют, а он ничего не смог сделать, даже не попытался помочь. Мысль о возможной утрате заставила его прибегнуть к единственной идее, которая как вспышка пронеслась в его голове. Лютфи не думал, он вопил.

— Ди, умоляю, сделай так, чтобы этот человек больше никогда не выстрелил!

Как и в прошлые разы, время прекратило свой бег и пространство окрасилось в зеленоватые тона. Рядом с вооруженным мужчиной стоял Ди.

— Это — твоё третье желание. Интересная у тебя судьба, столько событий за несколько дней. А почему ты не загадал спасти отца?

— Спаси его, пожалуйста!

— Прости, одно желание за раз, в книге всё написано.

Ди обошёл мужчину, взглянул в его глаза, а затем потрогал пистолет. Лютфи показалось, что он хихикнул, после чего исчез, а время вернулось в нормальное русло.

Послышался короткий щелчок курка, прогремел выстрел. Лютфи вздрогнул, но сразу же высунул голову из-за пикапа и увидел облако дыма, рассеивающегося в свете придорожного фонаря. Отец инстинктивно прикрыл лицо руками, но казалось, остался невредим, затем раздался истошный вопль. Пистолет разорвался в руках стрелявшего, безвозвратно уничтожив его кисти. Такое случается из-за несовпадения каморы барабана со стволом или при неправильном зазоре между барабаном и стволом пистолета, впрочем, такое может произойти по ряду причин, которые в этот момент были Лютфи мало интересны. Он подбежал к отцу, начал его осматривать, расспрашивать о самочувствии, пока стрелявший, лежа на дороге корчился от боли.

— Пап ты цел? Всё хорошо, он в тебя не попал?

— Да вроде как… Что произошло? Мне казалось, что он вот-вот в меня выстрелит, а затем пистолет взорвался в его руках. Я уже попрощался с тобой, Айлин и Саби… Ладно, эмоции после. В машине аптечка, принеси её, ему надо помочь.

— Но он же хотел тебя убить!

— Да. Но я могу просто так оставить его, до приезда скорой он истечет кровью. Хоть он и ублюдок, но что-то мы должны сделать.

— По крайней мере он больше ни в кого не будет стрелять.

Патерус обработал свои раны, а когда подошёл к мужчине, он уже был без сознания. Он перевязал окровавленные остатки кистей и попытался остановить кровь, насколько это было возможно. Вдалеке слышались сирены приближающегося патруля. Их звук немного успокоил Лютфи, а рука отца, на его плече ещё никогда не ощущалась столь крепкой и надежной.

Глава 9. Цена знаний

Спустя двадцать минут после приезда первых патрульных, на месте уже было несколько экипажей скорой помощи и столько же полицейских автомобилей. Как только шеф полиции Орилус Уркес узнал о произошедшем, то сразу же выдвинулся на место, так как был старым другом Патеруса. Вечер перетёк в ночь, и когда все формальности были соблюдены, а Лютфи с отцом опрошены, казалось, что в этой истории можно ставить точку. Раны Патеруса обработали на месте, так как они были несерьёзными, а во время самого столкновения никто сильно не пострадал. Нападавшего мужчину почти сразу же увезли в больницу, и перед транспортировкой он так и не пришёл в себя.

— До сих пор не верится в эту историю. Сначала он кинулся в драку, потом за оружие схватился. А то, что пистолет разорвался в руках — это вообще чудо. Шанс буквально один к десяти миллионам. Да в тебя бы молния скорее ударила, чем такое могло произойти. Патерус, дружище, тебя точно кто-то оберегает.

— Надеюсь на это, Ори.

— Лютфи, а ты как?

— Мой сын повёл себя как мужчина, не паниковал, не убежал… Хотя отца надо слушать, я ведь сказал тебе бежать, как только я выйду из-за машины.

Лютфи пытался осмыслить всё произошедшее. Постепенно к нему приходило осознание, что напавший на них мужчина, хоть и был готов их убить, сейчас может умереть по его вине. Эта мысль порождала в его душе какой-то необъяснимый диссонанс и провоцировала внутренние противоречия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.